

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ СВЯЗЕЙ: ПРОЕКЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.М. Нестеренко¹, В.И. Ионесов²

Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244

¹E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com

²E-mail: ionesov@mail.ru

Вступая в социальное взаимодействие, человек актуализирует две формы коммуникации – пространственную и временную, т.е. всегда и везде находится в ситуации здесь и сейчас. Именно в этом двухсекторном коммуникативном измерении осуществляется сложный, противоречивый и драматичный процесс идентификации и самосознания индивидуума. Вследствие этого каждый индивидуум выступает как своего рода проекция пространственно-временных связей в коммуникативной системе культуры. Авторы определяют и раскрывают два вектора идентификации человека – индивидуализацию и генерализацию. При этом обосновываются вызовы современной культурной реальности, обусловленные техно-инновационной экспансией и деструктуризацией социальных отношений. Отмечается, что новые технологии не только позволяют решать неотложные задачи в системе коммуникации, но и испытывают культуру на прочность, культивируя новые противоречия и конфликты.

Ключевые слова: коммуникация, пространство, время, трансформация, идентичность, разнообразие.

Социодинамика культуры в значительной мере определяется коммуникативными возможностями людей организовывать свои связи друг с другом и вступать в конструктивное взаимодействие по управлению изменениями. Всякий коммуникативный акт в культурном процессе так или иначе обусловлен позициональным положением индивидуумов и групп в системе социального взаимодействия и спецификой форм их самоидентификации. Структура коммуникативного действия формируется на основе разделения ролей и диверсификации позиций и статусов социальных субъектов, стремящихся компенсировать свою лимитированную функциональность посредством взаимодействия и интеграции.

Каждый субъект социального взаимодействия в конечном счете стремится к двум императивно заданным установкам: а) обрести и выразить свою идентичность (раскрыть себя в сопоставлении и диалоге); б) преодолеть свою индивидуальную недостаточность через объединение и коммуникацию с другими. Эти установки по существу сводятся к одной цели – выживанию и безопасности индивидуума и общества. Механизмом достижения данной цели выступают технологии управления коммуникативным процессом, эффективность которых обеспечивается институциональными и креативными возможностями культуры. При этом культурные изменения так или иначе являются концентрированным (социализированным) выражением индивиду-

Владимир Михайлович Нестеренко, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики.

Владимир Иванович Ионесов, доктор культурологии, доцент кафедры психологии и педагогики.

альных побуждений, мотиваций и стимулов, в сильной мере зависящих от коммуникативного местоположения индивидуума в структуре социальных связей.

Вступая в социальное взаимодействие, человек актуализирует две формы коммуникации – пространственную и временную, т.е. везде и всегда пребывает в одно-моментной ситуации *здесь* и *сейчас*. Именно в этом двухсекторном коммуникативном измерении осуществляется процесс идентификации и самосознания индивидуума. Вследствие этого каждый индивидуум выступает своего рода проекцией пространственно-временных связей в коммуникативной системе культуры.

Пространственная коммуникация реализуется в модусе топологического перемещения и континуальной мобильности человека и означает его включение в систему территориальных связей. Примерами пространственной коммуникации как формы культурного изменения являются межличностное (межгрупповое) общение, межтерриториальные связи, туризм, миграционные движения, кросс-культурные контакты и прочие виды транслокального смещения и дистанционной диффузии. Чем активнее и конструктивнее пространственная коммуникация, тем больше появляется возможностей сопоставить локус своей культуры локусами других культур и, в конечном счете, идентифицировать себя в континуальном контексте своего социокультурного местоположения.

Коммуникация во времени проявляется в освоении культурного наследия и меморативных ценностей, исторического опыта и социальной памяти, а также в различных манифестациях диалога между поколениями (детьми и родителями, современниками и их предшественниками), во взаимодействии инноваций и традиций, преобразования и преемственности и пр. Этот вид коммуникации предполагает общение и диалого-сопоставление на оси времени, благодаря чему позволяет идентифицировать индивидуальные отличия человека в проекции доопределения своей современности. Быть современным означает знание и выражение того, чем ты отличаешься от тех, кто тебе предшествовал. Конкретными образцами трансвременной коммуникации выступают в культуре такие виды социального поведения, как посещение музеев, исторических памятников, меморативных объектов, фольклорных праздников, библиотек, архивов, а также освоение иных источников знаний о прошлом своей семьи, города, страны и мира, полученные из чтения книг, интернет-ресурсов, кино- и фото-хроники, то есть все то, что позволяет реализовать диалого-сопоставление своей современности с наследием прошлого, включая литературные, исторические персонажи и артефакты минувших времен.

Научно-технические достижения и современные информационно-компьютерные технологии открывают беспрецедентно широкие возможности для трансформации и оптимизации коммуникативной среды взаимодействия человека и культуры. По существу, пространственно-временные коммуникации сегодня можно выполнять с помощью Интернета, сидя за компьютером и глядя на монитор, то есть из одного локуса. Действительно, мир становится ближе, даже в своих самых удаленных точках, которые в любой момент можно рассмотреть крупным планом и под любым ракурсом. Появляется все больше коммуникаторов, т.е. передатчиков информации, усложняется и диверсифицируется структура культурно-информационного обмена. Стираются границы и отступают препятствия. Все это, несомненно, создает условия для новых форм многоканальной идентификации человека как в пространстве, так и во времени.

Однако основная проблема, которая возникает в этой ситуации, связана с подменой живого и непосредственного общения виртуальным и дистанционным интерактивом. Еще в середине прошлого века немецкий философ А. Гелен обратил вни-

мание на то, что разрыв прямых связей между людьми и замена их опосредованными и дистанционными чреватой опасной деформацией социально-этических ценностей и нарушением системы оперативного (чувственного) реагирования на вызовы трансформации вследствие снижения уровня индивидуальной сопричастности и личной ответственности. Вот почему несмотря на то, что интернет-технологии формируют новое креативное пространство диалога-сопоставления, виртуальное общение не может заменить прямые контакты между людьми. Как показывает А. Гелен, человеческие чувства эффективно выражают себя лишь в радиусе действия непосредственного общения, а не на расстоянии.

Между тем в современной культуре индивидуальное и единичное все чаще перекрывается сетевым, обезличенным и унифицированным. Этот коммуникативный разрыв может не только привести к деструктивной трансформации моральных устоев личности, но и препятствовать процессу ее культурной идентификации. Так, уже сегодня анализ трудностей межкультурного взаимодействия и глобальных трансформаций вынуждает некоторых исследователей заявлять о кризисе идентичности. В этих условиях еще более актуализируется тема структурирования и оптимизации коммуникативной системы социума в контексте проблемы культурной идентификации и самосознания личности [4]. Важно понять, как коммуникативные механизмы воздействуют на процесс идентификации, каким образом они препятствуют или способствуют сбалансированному развитию культуры, сдерживают то или иное социальное действие или предрасполагают к нему.

Идентификационный процесс реализуется на пути развертывания двух разнонаправленных, но в конечном счете смыкающихся флангов (границ), или векторов трансформации, – индивидуализации и генерализации, фиксирующих моменты достижения дискретно малых и дискретно больших величин в самоотождествлении человека / культуры [1].

Этот процесс – сложный и драматичный, но сущностно необходимый для культуры. Культура живет неудовлетворенностью – в этом ее жизненная сила. В борьбе за единство человечества культура оправдывает и обосновывает свое существование. Без этой борьбы нет развития, а значит, нет жизни, нет напряжения и боли, нет страдания, а следовательно, тяги друг к другу и радости бытия.

Современная культура все больше сжимает континуальную протяженность пространства-времени. Вертикальные (временные) и горизонтальные (пространственные) модусы в период перманентных трансформаций почти смыкаются и образуют сплошной поток тотальной изменчивости [1;4]. Между традициями и инновациями практически стираются различия. Это *обезразличивание* неизбежно приводит к социальному конфликту, кризису и насилию. Как убедительно доказывает Р. Жирар, современный кризис – это прежде всего кризис различий [2]. В этой связи возможности традиций и воплощенного ими наследия в преодолении пагубного для современной культуры *обезразличивания* исключительно велики и судьбоносны. Будучи историческим пристанищем этнокультурной самобытности, меморативные комплексы передают современности богатейшие залежи культурного разнообразия и проецируют самые жизнестойкие образцы уникальных опытов социального выживания, межкультурного диалога и миротворчества.

Содержание и специфика взаимодействия традиций и инноваций в глобализированном мире определенно свидетельствуют о нарастающих проблемах и вызовах постиндустриальной цивилизации. В современную эпоху (в отличие от древней – когда на становление традиции уходили века и даже тысячелетия) инновации транс-

формируются в традицию беспрецедентно быстро и все чаще даже не успевают обрести качество традиции. Как следствие, на засеянном поле культурных инноваций вызревает все меньше традиций. Культура просто не успевает прирастать традициями, т.е. воспроизводить необходимый объем духовных ценностей, обеспечивающий устойчивость и жизнеспособность культурной системы. Поскольку именно традиции, прежде всего, поддерживают в культуре гомеостазис системы ее жизнеобеспечения, то нехватка традиций неизбежно приводит к дефицитности структурно-институциональных устоев социума. Достигая своих критических величин, сфера постоянства в культурной системе («поле традициональности»), т.е. комплекс защитных механизмов культуры, подвергается разрушению, что открывает путь для вторжения и монополизации инноваций. Ресурсы традиций в арсенале адаптационных средств современной культуры катастрофически сокращаются, ибо они все слабее пополняются переводом инноваций в традиции. Отсюда неизбежный конфликтный разрыв между сокращающейся в культуре сферой постоянства (традиций) и возрастающей сферой изменчивости (инноваций).

Другая сторона инновационной экспансии – фрагментаризация, парциация и «капсулизация» культуры. В силу того, что инновации все реже трансформируются в традиции, культурная дистанция между ними поступательно сжимается. Это расширяет структурный порядок и дезорганизовывает культуру. Расширение инновационной области в пространстве культуры приводит культурную систему в состояние перманентной изменчивости и дезинтеграции. Культура как бы подрывается изнутри. Особенность распространения инноваций в современной культуре состоит в том, что нововведения не успевают обрести (в отличие от традиций) интегративное качество структурирования элементов системы. Связующая функция инноваций крайне слаба и не может обеспечить культурной системе необходимую структурную устойчивость. Структурная невовлеченность инноваций бросает культуре серьезный вызов и угрожает сползанию социума в бесконечный водоворот трансформаций. Формируется синдром так называемой инновационной (культурной) *хронаксии*. Под инновационной хронаксией здесь понимается наименьший временной интервал, в течение которого сила инновационного воздействия превышает вдвое и более пороговое значение структурной устойчивости культурной системы[3]. Отсюда – деструктуризация культуры и, как следствие, неизбежные парциация и дифференциация, т.е. разделение культуры на части и автономные элементы, или «капсулы», не привязанные к культурному целому. Все становится одноразовым и фрагментарным. В симптоматике инновационной хронаксии можно отчетливо разглядеть ориентацию на одноразовую культуру – одноразовые вещи, одноразовую мораль, одноразовую ответственность, одноразовую политику и пр. Если этот процесс будет продолжен – культура обречена на саморазрушение, поскольку культурная система может воспроизводить себя, лишь опираясь на константы общественного порядка (институты) и социально-нормативные постулаты. Духовно-нравственные устои, общечеловеческие ценности и прочие универсалии лучше всего артикулируются художественными образцами культурного наследия. Без этой привязки к незыблемым постулатам и моральным обязательствам всякая инновация приобретает деструктивные свойства и влечет за собой вторжение хаоса и неопределенности.

Но опасность для культурной системы может также исходить и со стороны традиций, когда они монополизируют всю социальную жизнь, не оставляя места инновационному вмешательству. Если дисфункцию традиции в культуре нейтрализует

инновация, то дисфункцию инновации нейтрализует традиция. Их позитивная функция в культуре реализуется не врозь, но вместе – в виде сбалансированного взаимодействия старого (постоянного) и нового (изменчивого). Это означает, что разрешение конфликтной ситуации, при которой в результате инновационного вторжения из культуры вымываются основополагающие константы структурного порядка, может быть осуществлено лишь при условии включения в трансформационный процесс образцов постоянства, того неподвижного субстрата, который не меняется и принадлежит всей социальной системе целиком, а не по частям. Именно поэтому в ситуациях инновационной активности чрезвычайно важным становится поддерживать универсальные ценности культуры, включая меморативные комплексы всемирного наследия. Наследие обладает мощной интегрирующей силой, поскольку в нем синтезированы почти все социально признанные константы культурной деятельности – духовно-нравственные, эстетические, мифо-художественные, ритуально-символические и прочие универсальные ценности. Расширяя и обустривая традиционное поле культуры в период нагнетания инноваций, мы тем самым оптимизируем культурный процесс и приводим его к сбалансированному функциональному состоянию. Инновации всегда должны от чего-то отталкиваться (но не отрываться!) в культуре, тогда как традиции должны всегда что-то в культуре отстаивать, сцеплять и сохранять. Это взаимное структурное принуждение необходимо для устойчивого и сбалансированного развития культуры и удержания ее от воинствующего и слепого монополизма одной из доминирующих сил. Ведь опираться можно только на то, что оказывает сопротивление.

В современном информационном обществе сосуществуют как бы две культуры – *аналоговая* и *цифровая*. Если в аналоговой культуре наличествует так называемая взаимосвязанная множественность элементов, то в цифровой, или иначе дигитальной, культуре каждое значение выступает дискретно, изолированно, автономно и точно. Новый формат проецирования культурной реальности и воспроизводства социальных традиций и инноваций приводит к деструктуризации и капсулированию элементарных сущностей культуросферы [3].

В современной культуре становится все больше социальных дигитайзеров, или преобразователей аналоговых сигналов в цифровые. Цифровая культура в силу своего дискретного и точечного характера в некотором смысле обладает повышенной помехоустойчивостью. Но проблема заключается в том, что эта помехоустойчивость не только защищает культуру от негативных воздействий, мешающих индивидууму решать свои конкретные задачи (человек не реагирует на отвлекающие его события, не расстраивается от внешних социальных импульсов и пр.), но и дистанцирует его от позитивного восприятия жизненно важных событий. Это лишает его возможности сопереживать и сострадать, делает человека бесчувственным, безучастным и безответственным в его реакции на общественно значимые вещи и культурные инициативы. Так же как при увеличении изображения цифровая картинка распадается на мелкие разрозненные части, при увеличении масштаба социальных проблем оцифрованное общество (культура) распадается, *капсулизируется* и погибает.

Подвергаясь размельчению и виртуализации, культура перестает реагировать на прямые сигналы и вызовы социальной среды, а следовательно, не успевает приспособливаться к инновационной экспансии трансформаций. Глобализация порождает так называемую копировальную и сканированную культуру, которая деформирует и размывает привычные социальные связи и традиционные способы

хранения и передачи социальных знаний и культурного опыта.

Исчезает межструктурное пространство, т.е. связующий общество «культурный наполнитель» – мораль, традиции, мифы, меморативы, т.е. социально-интегрирующие механизмы взаимоотношения людей. Структурный раскол обусловливает ощущение человеческой одинокости, недостаточности, отчуждает людей друг от друга, расстраивает силы социального, эстетического и этического притяжения, эмоциональную вовлеченность – любовь, соучастие, сопереживание, дружбу, солидарность, жертвенность, тягу к единению и пр. Но раскол выражает и пространственную вовлеченность людей, желание путешествовать, странствовать, преодолевать границы, любопытствовать, фиксировать связь со всем миром, фотографировать, сохранять память, делиться друг с другом воспоминаниями, знаниями, опытом, т.е. всем тем, что способствует снятию онтологической отчужденности и родовой антропологической разобщенности.

Итак, *аналоговая* культурная реальность структурирована, и в ней сохраняется мифо-символическое заполнение (среда), тогда как в *оцифрованной* культуре среда «испаряется», оставляя лишь сухие, выхолощенные и вычлененные из структуры линии. Оцифровывание среды – это своего рода «обезвоживание» культурной ткани социума. В оцифрованном обществе культивируются симулякры, копии, сканированные образы, ламинированные вывески, суррогаты и прочие одноразовые атрибуты и имитации. Постиндустриальное, или информационное, общество – это мир одноразовых ценностей и имитативных образов. Но нельзя забывать, что если структура остается без среды, она неизбежно лишается своего связующего и формообразующего качества. В ней остается лишь голый каркас одиноких, рассредоточенных и одноразовых сущностей. Это состояние подвергает серьезным испытаниям интегральные способности культуры, ее возможности организовывать порядок и связывать между собой элементы социальной системы. Фрагментаризация и капсулизация заставляет культуру искать новые формы адаптации и структурирования. Одним из возможных решений сохранения функциональных связей и среды взаимодействия элементов внутри культурной системы является переход к мультиплицированию дискретных образований культуры. Распространение всевозможных мультипликационных технологий в информационном (дигитальном) обществе в виде мультимедийных комплексов, мультикультур, мультиплексов, мультиличностей, мультимостов и пр. – служит тому выразительным подтверждением [3].

Таким образом, дифференциация культуры и усложнение интернальных связей внутри культурной системы заставляют искать новые модусы коммуникативного процесса. В этот процесс вовлекаются все больше культурных агентов и акторов, благодаря сопряжению которых открываются новые культурные горизонты в ландшафтной полистилистике постмодернистской реальности. Парадигмы инновационного проектирования выстраивают коммуникативную взаимозависимость всех срезов социальной жизни. Информационное общество все настойчивее позиционирует новые фундаментальные культурные установки, ориентированные на интеграционное приращение в диалоге человека, социума и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин А.И., Ионесов В.И. Особенности психо-культурного опосредования ментальности авторов граффити и процесса мультикультурной интеграции // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – Т. 13. – №2 (6). – С. 1494 – 1501.

2. *Жирар Р.* Насилие и священное. – М.: Новое культурное обозрение, 2000. – 400 с.
3. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества: Материалы междунар. науч. конф. (29 ноября 2009, Самара). – Самара: СТАКИ, 2010. – С. 58 – 87.
4. *Ионесов В.И.* Мультикультурализм как интеграционный процесс: модели трансформации // Креативная экономика и социальные инновации: Междунар. науч. информ.-аналит. эл. журнал. – 2011. – № 1 (1). – С. 60 – 65. www.cesi-journal.com (дата обращения: 30/09/2013).

Поступила в редакцию 09.10.2013;
вокончателном варианте 09.10.2013

UDK 008.1/6

HUMAN BEING AS PROJECTION OF SPACIAL AND TEMPORARY CONNECTIONS: PROJECTIONS AND CHALLENGES OF SOCIAL-CULTURAL COMMUNICATION

V.M. Nesterenko¹, V.I. Ionesov²

Samara State Technical University

244, Molodogvardeiskaya st., Samara, 443100

¹E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com

²E-mail: ionesov@mail.ru

The human being is involved to social interaction to try is realizing two ways of communication – in space and time as positions here and now. The process of identification and self-consciousness of person is determined mainly in this double-sector communicative model. As a result, each individual performs a kind of projection of the spacial and temporary relations in the communicative system of culture. Cultural communication is a complicated and dramatic process of development of humanity. The authors see two vectors of human identification in this process – individualization and generalization. It is shown the effective means of new structuring of historical experiences and innovative practices are new technologies and multifunctional systems in the form of multimedia, multiplications, multiplex and other multi- communications. The new technologies not only allow us to solve effectively the urgent tasks on social transformation, but also they throw a challenge to contemporary society by means of the cultivating of digital consciousness, virtual values and new imitative environment.

Key words: communication, communication, spatial and temporal relations, transformation, identification, diversity.

Original article submitted 09.10.2013;
revision submitted 09.10.2013

Vladimir M. Nesterenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head, department of Psychology and Pedagogics.

Vladimir I. Ionesov, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, department of Psychology and Pedagogics.